

На трамвае второго номера городского кольца можно было прокатиться, когда тебя посылают в Универсам. Две остановки. Выходишь к инъязу. Если решишь ждать, то трамвай не придёт никогда. Или через час. Поэтому надо сразу двигаться к следующей остановке, через каждые 10 шагов оглядываясь, не появилась ли «двойка» на Сенной из-за поворота. Если ты её замечаешь, то надо бежать вперёд бегом, тогда, может быть, и успеешь в неё запрыгнуть у НИРФИ. Ты бежишь остановку, трамвай едет две (плюс стоит еще две), шансы почти равны. Если же тебе удаётся спокойно, оглядываясь, дойти до НИРФИ, то ждать там уже вообще никакого смысла нет. Всё одно к парку Свердлова вы уже придёте практически одновременно. Ты сэкономил три копейки. А фруктовое мороженое стоит шесть.

Но и снова во дворе полно народа. Значит, можно играть и в игры с числительными названиями: «Двенадцать записок», «Двенадцать палочек». В «Стрелки». В «Штандер-стоп».

Двенадцать палочек были экзотической разновидностью игры в прятки. На кирпич клалась дощечка, на один конец её перпендикулярно складывались 12 вырезанных одинаково коротких палочек. Кто-нибудь топал ногой по другому концу дощечки, палочки разлетались во все стороны. Пока водящий их собирал, числом двенадцать, и водружал обратно, все бежали прятаться. Когда водящий находил кого-нибудь, он бежал топтать дощечку, выкрикивая имя, и спешил спрятаться. И тот другой уже должен был собирать усердно разлетевшиеся палочки, а потом идти искать остальных.

Засада была в том, что спрятавшиеся могли вредить. Когда старатель отходил в своих поисковых маршрутах слишком далеко, можно было выскочить из засады и пустить палочки вверх. Тогда ему надо было возвращаться и складывать их обратно. В досаде и спешке он не всегда находил все, их количество уменьшалось. Это становилось вскоре заметно остальным, которые говорили ему своё «фу». Некоторые жульничали, укладывая вместо оригинальных наскоро обломанные веточки. Такую подмену тоже было видно даже без телескопа.

Двенадцать записок тоже были очень увлекательной игрой, для прячущих даже более увлекательной, чем для ищущих. Я любил прятать вместе с Рафой. Мы запихивали записки в трещины цоколя дома, прикрывая камешком, помещали их под один из набросанных спонтанно кусков асфальта, засовывали, маскируя, в бутылки, смятые консервные

банки, могли прицепить бумажку к одному из листиков в кроне дерева. Иногда эффект достигался от противного: записка торчала почти на виду, но никто даже не думал обратиться туда своей пытливым взор. Это было смешно, и мы, стоя рядом, упивались своим триумфом. Наконец, они сдавались, я тыкал пальцем: «А это что?» Разворачивали, читали: «Следующая записка в...»

Наша фантазия была настолько изощрённой и разыгрывалась до таких степеней, что часто мы слышали справедливое: «Это нечестно. Тут никогда не найдёшь!» Особое разочарование ищущих наступало, когда извлекалась последняя 12-я записка «Клад в...», и после поисков обнаруживалось, что клад — это, собственно, какая-нибудь сломанная, чуть ли не из помойки игрушка или иная дребедень. Что мы тут делали столько времени?

«Стрелки», которые чертили на асфальте, на стенах мелом, были хороши, если играть «вокруг квартала». Опять идут за мной с Рафой. Он опирается на моё плечо, выходим за ворота, поворачиваем направо по направлению к колонке на углу квартала. Я черчу стрелки на всём, что попадает под руку. У нас есть запас, преследователи двинутся через десять минут. Важно их запутать, закрутить стрелочными указателями, сбить их с хвоста, чтобы уйти от погони. Нужны ухищрения. Мы выкладываем некоторые стрелки из веток, маскируем, мимикрируем, пускаем ложные следы и направления. Потом прячемся в небольшом чужом дворике, ждём. Видим из своего укрытия, как погоня проходит мимо, слышим доносящиеся обрывки их глупых разговоров. Время спустя возвращаемся в свой двор, где преследователи опять начинают делать нам предьявы. У нас алиби, мы тащим их показывать им те наши стрелки, которые не были найдены, но которые точно бы их на нас вывели. Не будь они такие дураки. А так — давайте посчитаем количество незачёркнутых а-громадных стрелок, которые я щедро нарисовал, идя уже по стопам преследователей! Их-то они что, тоже не заметили?

Играли в Штандер-стоп. Первый бросок мяча с выкрикиванием имени — высоко вверх. Потом, чтобы разбежаться подальше, бросали мяч в названного игрока резко, он отлетал даже от рук, и его надо было бегать ловить. Затем крик: «Штандер-стоп», народ замирает в нелепых позах. Считались какие-то гигантские шаги, не хватало совсем немного, полшапочка, водящий тянулся из последних сил. Но игрок тоже не бездействовал, отклонялся туловищем в противоположную сторону — лишь бы ноги не отрывались от места, где застыл. Это был самый азартный момент, все участвовали в третьей суде, выясняющем, кто больше жульничает.

Мне было семь лет, когда, вернувшись с бабушкой домой после летнего отдыха на Косой Горе, я обнаружил в нашей квартире нового жильца. Это был мой брат. Моя эгоцентричная жизнь отменялась. Мне потом рассказывали, что я заметно взревновал к младшему брату. Конечно, не до такой степени, как та крестьянская девочка, придушившая братца в колыбельке, потому что спать не давал. Сон мой не сильно нарушился с появлением одинокрвного, но коррективы делать пришлось. Чтобы обо мне вовсе не забыли, я садился у ног мамы, когда она качала младенца, и обнимал их. Она гладила меня по голове, говорила о равенстве родительской любви к нам обоим, объясняла, как хорошо иметь братика. Хорошо-то хорошо, но вот делиться любовью поровну не очень-то хотелось, и я напрашивался на всё новые ласки, что наш кот.

По мере взросления «мелкого» увеличивался ущерб, порой им принимимый. В отличие от моей проектности мышления, он носился везде как энеджерджайзер без всякого сценария, утверждая меня во мнении, что ему потребен и важен только голый адреналин. Он ломился в столовую, когда я занимался свои полчаса на скрипке. Навалившись на дверь спиной, я выдерживал его удары с разбегу, и гаммы мои сами разбивались на

такты по воле этого задверного дирижёра. Потом, используя его детские страхи, я стал посреди комнаты выставлять круг из снятых с подоконника горшков с мамиными кактусами. Я стоял внутри и пиликал, а этот мелкий вий накручивал круги снаружи, не в силах переступить запретную черту. Работало это недолго.

Хлопанье и толкание дверьми было нашим обычным занятием, пока мама не пришла еще с работы. И когда она вернулась как-то раз к разбитому стеклу в маленькой комнате, то, как вы думаете: кому влетело? А ведь я просто прикрыл и держал дверь, и это его кулаки высадили стекло!

Очень я был ошарашен, когда, придя из школы, обнаружил однажды свою коллекцию марок приклеенной к линолеуму под своим диванчиком. С таким трудом выпрошенные для покупки наборы новеньких марок мой братан вытащил из пакетиков, где они хранились, и, лизнув каждую (каждую!), в беспорядке присобачил их на свежий лак. Клей был хороший, отрывалось обратно по половине марки. В тот раз я так горько расстроился, что и мама поняла, что младший палку перегнул. Ему этот эпизод потом долго вспоминали.

Когда я с красной повязкой на рукаве дежурил на перемене в школе на этаже начальных классов, раздавая подзатыльники для усмирения носящейся сперматозоидами детворы, Сашка-первоклашка собрал своих одноклассников и гордо указал пальцем: вот мой брат! Эти же слова я мог бы произнести однажды, проходя мимо помойного ящика у нас во дворе, откуда торчали вверх две ноги.

Активность Сашки порой выходила ему боком и приносила беспокойства семье. Ну да, он везде лазил, невзирая на запреты. Так, он как-то раз поиграл во дворе иньяза в раздолбанном микроавтобусе без колёс. Домой его плачущего привёл за руку сука завхоз по хозяйственной части. Он объявил родителям, что автобус был совсем новый и это их сын привёл его в такое состояние. Что он пишет акт о возмещении ущерба. Родители взятку давать не собирались, затеялась бумажная волокита, тяжба и канитель, хотя дело было изначально абсолютно понятно и абсурдно. В другой раз брат пробрался через дырку в задней стене сарая на территории ГИТО и принёс оттуда телескопы, по всей видимости — запчасти какого-то дорогостоящего медицинского оборудования. Ему пришлось идти обратно вместе с отцом и потихоньку записывать всё обратно, пока пропаша не обнаружилась.

Конечно, маленького брата я любил. Однако, разница в семь лет во многом объясняла разность наших интересов. И похоже, ситуация закрепилась на всю жизнь. Мы ничего не могли поделать с тем фактом, что в кругу сверстников и друзей нам обоим было интереснее, чем друг с другом. Если вина в этом на старшем, то это моя вина.

Умение кататься на велосипедах («гонять на велике») для всех ребят во дворе было настолько же естественным, как умение ходить или бегать. Ну, кроме Рафы, у которого, впрочем, тоже был хороший подростковый велосипед и он пытался даже на нём ездить. А так он с удовольствием уступал его мне.

Конечно, когда человек впервые садился на двухколёсную технику и учился держать равновесие, за ним бежал папа или сверстники, придерживая и страхуя. Не обходилось и без падений и содранных в кровь коленок. Но приходил момент, и вот уже ты не думаешь о равновесии, едешь как дышишь, ветер свистит в ушах. Твой первый двухколёсный велосипед, только что переделанный из трёхколёсного, так и называется — «Ветерок». Гоняешь на нём по двору, бросая где попало, если вдруг приспело переключиться на другую игру. Димка на таком может со всей дури врезаться передним колесом в стену, особенно если велосипед не его. Потом исправляя восьмёрку: один стоит на одной стороне обода

положенного на асфальт колеса, а другой прыгает всем весом тела на другой.

Идут дни, месяцы, год-другой. И вот твои коленки упираются в максимально поднятый руль. Можно, конечно, ещё ездить стоя, наперегонки с каким-нибудь шпентом, который с трудом корячится «под рамой» взрослого «Дорожного» велосипеда. Но какое чувство у тебя в груди при этом? Приходит, наконец, и тот день рождения — с долгожданным подарком от родителей. Ты выходишь во двор, ведя под уздцы свой новенький «Школьник», в смазке, с какими-то не ободранными, намотанными на раму вощёнными бумажками, громким звонком и круглым оранжевым или красным отражателем на заднем крыле. Все толпой целый день бегают за тобой и упрашивают дать прокатиться. Тебе не хочется, и ты ссылаешься на строжайший запрет родителей. «Жадина!» Если же ты мягкотелый и уступаешь, скажем, Димке, то он прыгает на твой велосипед и сразу выезжает за ворота. Толпа бежит за удаляющимся, который быстро крутит педали и моментально скрывается за поворотом. Теперь надо ждать, не подавая виду, что волнуешься. Как разведчиков, когда не знаешь: вернутся ли? Уже прошли все сроки, установленные тобой для окончательной потери терпения. Уже ты выслушал все версии — забрали в милицию, поехал в Ковалихинский овраг и там разбился и пр. и пр. Димку не жалко, жалко свой велосипед... Тот, конечно, накатавшись, возвращается, и даже техника более-менее цела — подумалось, крыло чуть-чуть загнудось! Но тебе уже сразу надоело гулять и вообще не хочется с ним дружить.

За «Школьником» чередой следовал подростковый велик, различных марок, потом шёл взрослый, потом полуспортивный «Турист». Последние, правда, явно выходят за временные рамки нашего повествования. Замечу, что в этой цепочке бывали индивидуальные скачки и разрывы. Так, я вообще-то не стал обладателем «Школьника», но сразу перепрыгнул с «Ветерка» на подростковый.

Велосипеды хранили в сараях или в квартирах, таская по лестнице вверх-вниз. Девчонкам технику с этажей выносили папы, мальчишки корячились сами. Маленькие катались во дворе и перед домом на улице, постарше уезжали вокруг квартала, по Минина до молочного и хлебного магазинов, на Откос (так все называли Верхне-Волжскую набережную), где гоняли по тротуару от трамплина до кафе «Чайка», а то и до площади Минина, до памятника Чкалову. Можно было ехать без рук, можно стоя, можно было крутить только одну педаль, можно везти кого-нибудь на раме или на багажнике, если он есть.

Искусства требовало задание довести до магазина на руле в сетке пустые молочные бутылки и банки из-под сметаны, а потом успешно вернуться домой с купленными на сдачу заполненными новыми. Искусства и ответственности. У Димки последняя была в дефиците: он мог свернуть по дороге куда-нибудь «налево», а потом уже появиться с пустой сеткой. Что его ругали, ему было не привыкать.

Были игры на велосипедах. Догонялки, перегонки. Или кто медленнее проедет, не касаясь ногами земли. Кто сумеет ехать, сидя на багажнике. Или просунув ногу под раму. Поднять на более долгое время переднее колесо. Зачастую гонялись друг за другом с «сикалками», ездили наполнять их водой на колонку. Хорошо ещё было, позанимствовал у мальчика трёхколёсный велик, из которого ты давно уже вырос, кататься на нём как на самокате, встав на заднюю ось одной ногой, толкаясь другой.

Каждый любовно украшал и совершенствовал свою технику. Спицы обматывались цветной проволокой, всякими пластиковыми оплётками. Картонные кольца, счищающие грязь с осей колёс. Руль в разноцветной изоленте. Разнообразные трещотки, покупные динамо-машинки с фонариком, счётчики метров, зеркала заднего вида, различные звонки. В кобуре кроме ремкомплекта — всё, что может понадобиться в дороге. Это как дамская сумочка — чего там только нет! На багажнике или вокруг рамы перед тобой привязана подушечка для мягкости пассажиру.

Велосипед был нашим спутником на три неснежных сезона. Даже договаривались: «Идём гулять на велосипедах». Свежий ветер в лицо — держись, панамка! Штанина завёрнута, чтобы не попала в цепь, если у тебя не девчоночья какая-нибудь на ней защита. Мелькают спицы, ноги, ты привстаёшь, чтобы набрать скорость, и потом, сильно разогнавшись, долго едешь по инерции, глаза по сторонам.

Перед сном я ездил на «шишиге», на ГАЗ-66. В грёзах, конечно. Сидел за рулём этой самой лучшей машины для солдат и геологов, физически ощущая её рычаги и педали. Их было много, но я знал все. Нажимал на кнопочку, и «шишига» мягко трогалась, чуть дёрнувшись, хорошо слушалась руля. Она была, как полагается, защитного зелёного цвета, новая, мощная до необычайности и в фургоне её — нечто важное и таинственное. Вожденная — твоя!

Двор был территорией нашей компании. Другие более старшие ребята задерживались здесь редко, у них были свои интересы на стороне. Главрём их можно было выделить Ирзана, третьего сына татар-дворников, живущих напротив меня на лестничной площадке. Был он невысокий, спортивный, с красивым лицом. Как у Маршака: «Среднего роста, плечистый и крепкий, ходит он в белой футболке и кепке. Знак "ГТО" на груди у него». Ну да, в футболке, с мячом в руках, он уводил ватагу таких же подростков куда-то играть в футбол. Ирзан был старше нашего Рафы года на два. Именно он одно время организовал у нас во дворе теннисный стол и резался тут с друзьями пинг-понговскими шариками, натянув принесённую с собой фирменную сетку. Потом они достали ещё откуда-то настоящий взрослый бильярд и тоже ставили его на асфальте перед домом. Я залезал под него, когда играли, слушал удары шаров и смотрел, как те один за другим появляются в сетках. У лунок с драными сетками мне надо было ловить костяные шары, чтобы они не бились об асфальт.

Те ребята были настолько взрослыми, что ходили драться стенка на стенку с «болотом» — курсантами речного училища. Учебные корпуса и общага речников располагались равноудалённо от нашего дома в противоположные стороны: первые — к площади Минина, вторая — за площадь Сенную. Так что бойцы нашего двора также входили в команду «местных». Схватки чаще происходили на откосе, «наши» были в «гражданке», болото — в своих форменках, с намотанными на кулак ремнями. До нас докатывалось эхо этих побоищ и доносились обрывки рассказов, кто какие колья, цепи и кастеты использовал, много ли было крови и сколько чугунных лавок было попутно сброшено вниз под откос.

С похожей целью эта команда ходила на танцы в парк Кулибина. Не знаю, кто что там танцевал, но если в заключение не было групповой драки, то не было и счастья. Устойчивая молва утверждала, что в одиночку на танцплощадку заявлялись только самоубийцы.

Ирзан мог залезть по водосточной трубе чуть ли не до пятого этажа нашего дома. Однажды я это наблюдал, когда он забыл ключ от квартиры и захлопнул дверь. Димка лазил только в окно своего первого этажа. Ирзан мог усмирить своего пьяного старшего брата-уголовника Руслана, когда тот намеревался совсем уж разбушеваться — вырубал его коротким ударом.

С нами те ребята играли редко и только в совсем уж апокалиптические игры, где первым фактором была численность наличного состава. Главной их задачей было тогда не зашибить нас, мелюзгу. Это не всегда удавалось. Так, сотрясением моего головного мозга и больницей закончилась однажды зимой игра в «царя горы». Ирзан в свалке неловко толкнул меня, я слетел с горы, ударившись головой, вечером меня уже рвало.

Ирзан поступил в военное училище. Последний раз я с ним встретился и разговаривал в нашем подъезде на какой-то праздник, когда он был в парадной форме, с белым ремнём, весь в значках отличия и с майорскими погонами на плечах. Уезжал служить куда-то далеко. Уже шла Афганская война. Такой молодой красивый майор.

Они дрались на танцплощадке. Лазили на верхние этажи по водосточным трубам и по приставным, готовым отвалиться железным лестницам, которые потом со временем все как-то поснимали. Они на спор или просто чтобы показать себя могли вдвоём или даже поодиночке переплыть с пляжа Волгу. Ну и, отдохнув, обратно, разумеется.

Мучительный и повторяющийся мой сон тоже был про то, как я Волгу переплываю. Родной берег всё удаляется, течение несёт, а противоположный как был далеко, так ни насколько не приблизился. Плаваю я не ахти как, но зачем-то вязался в эту авантюру. Где-то на фарватере ко мне приближается теплоход, я усиленно шлёпаю по воде руками, оставаясь на месте. Что ж так всё нелепо?

Или ещё нередко ползал над рекой по высоченным арочным пролётам железнодорожного моста. Сверху стучат поезда. Мне до позарезу надо на другой берег. Пусть там болотистая, затопленная пойма! Я всё лезу и лезу, мне страшно, но я лезу.

Что, сны нам в детстве предлагают иные стихии для жизни? Мало, мол, ходить, бегать, ползать по земле. Вы еще в воздухе летайте, в воде плавайте. Человек произошёл от птицы? От рыбы? Все мы вышли из воды, а потом и крыльями обросли? Дарвин, да и только!

Когда болеешь — а простужен зимой я бывал регулярно, — когда острая фаза с температурой под сорок уже позади, и ты просто маешься дома с бабушкой, в тёплых чулках и носках, обязательно в тапочках, с повязанным вокруг горла пуховым платком, тогда надо себя чем-то занимать, чтобы не умереть от скуки. Здесь годилось всё, скажем, сидение на подоконнике и протаивание обледенелых стёкол при помощи дыхания и нагретого на батарее пальца. Увлекала и жизнь улиток. Микроскопические, не больше булавочной головки величиной, они водились в земле кадушки большой пальмы, что стояла в углу маленькой комнаты у окна. Эту пальму давно прорастили из финиковой косточки, была она уже под потолок, а земля старая, там наверняка даже и черви водились. На окнах у нас было много зелени и цветов. Алоэ держали в медицинских целях, с его кусочками делали компрессы для моих фурункулов. Рос лимон, домашняя лилия. Коллекция маминых кактусов в некоторые годы тоже сильно разрасталась: вся семья с нетерпением ждала, когда расцветёт самый большой и красивый.

Время болезней — пик прикладного творчества. Тут отлично может развиваться такое, например, инновационное направление как робототехника. На резиновом ходу. Берём катушку из-под ниток, пустой стержень шариковой ручки, чёрную хозяйственную резинку, спичку. Будет робот танко-трактор. Резинку продаваем внутрь катушки, в кончик с одной стороны вставляем обломанный, чтоб не выступал за колесо, кусок спички, можно и приклеить. В другой — самый конец стержня. Держим катушку, крутим стержень, заводим резиномотор. Ставим на диван, отпускаем, робот поехал. Часто первые экземпляры получаются бешеными, танко-трактор подпрыгивает или проскальзывает, используя моментально весь ресурс хода. Приходится укрощать восстание машин. Ты возишься, регулируешь вес, меняешь резинки, на колёсах катушки делаешь для лучшего сцепления засечки ножом, сколов небольшие треугольнички...

Или самолётный планер. Опять стержень, приклеиваем крылья из тол-

стой бумаги, доводим до ума аэродинамику. Потом внушительных размеров картонный винт с помощью проволочек и вырезанных из лёгкой жестины небольших деталек крепится к планеру. Под стержнем на всю длину от винта до хвоста натягивается сложная вчетверо резинка, в данном случае «авиационная». Запас такой резинки должен быть у любого приличного мальчика в коробке из-под леденцов. Неприличный мальчишка может воспользоваться обычной белой резинкой от трусов, вырезав оттуда резиновое содержимое квадратного сечения. Авиационная, конечно же, лучше. Твой планер даже должен пролететь несколько метров.

Из спичечных коробков сооружались стреляющие танки. Тут главное было изготовить спусковой механизм, который работал по принципу короткого самострела, но в пропиленной на конце пластиковой трубочке. Заряжались танчики небольшими снарядами и пульками от разорённой покупной игрушки. Стреляли они друг в друга и по ссыпавшейся с брони пехоте, пошедшей в атаку. Играть лучше было вдвоём.

Партнёр нужен был и для игры «в истребители». Но изготавливать самолётики можно было как раз во время болезни. Картон, клей, пластилин. Тут уж требовалось мастерство конструктора, чтобы в результате вышло нечто похожее на И-16, Ла-5 или «мессер». Трубчатый корпус на усечённый длинный конус, крылья, хвостовое оперение, кабина, шасси для жёсткой посадки (не колёса, а просто картонные подставки). Самолётики получались изящными и хищными, раскрашивались в боевую раскраску. Важно было придать жёсткость и всё хорошо приклеить в этой боевой конструкции. Передняя часть фюзеляжа набивалась пластилином, мотор закрывался круглой крышечкой, туда вставлялся на булавке картонный же винт. Если на него дуть спереди, он должен быстро крутиться.

За одно крыло цеплялась нитка, сматываемая с катушки. Ты уже лётчик-испытатель. Сначала на коротком поводке, а потом регулируя длину нитки, крутишь вокруг себя самолётик. Он держится всё увереннее, ровно жужжит пропеллер. Пошли фигуры пилотажа, волнами вверх-вниз — не врезаться бы в землю! Если крутиться вместе с ним, видишь его вращающийся пропеллер, все его выкрутасы. Пока не закружится голова.

Игра же состояла в истреблении самолётиков. Лучше было идти на улицу, там больше места. Ты вручал другу второй истребитель, мы начинали их вращать, сближаясь друг с другом. Бой был принципиальным: ничего другого, кроме тарана. Перехлестнуть нитки было не интересно, тут всё путалось и неэффектно ломалось. А надо было врезаться самолётами друг в друга в лобовой атаке. Отлетали в разные стороны крылья, винты, мялись фюзеляжи. Если самолётик еще мог летать после этого, он тут же опять шёл в последний смертный бой.

Помню, как по каким-то занимательным книгам уже с отцом мы конструировали реактивный теплоход из скорлупы яйца, ещё что-то. Я выжигал на фанерках лупой, сидя у окна, меня ругали, что провонял всю квартиру или испортил подоконник. Мне покупали лобзики и дефицитные пилки к ним — то с крупными, то с мелкими зубцами. Они часто ломались, но я научился использовать и обломки, сильно сжимая лобзик. Выпиливал я довольно искусно, но это не мешало мне время от времени пропиливать и табуретки, за что опять же получал.

Из-под моей пилки выходили целые армии рыцарей на подставках, всяких всадников, греческих и римских воинов, срисованных под копирку с учебников по истории античности и средних веков. Целые замки с зубчатыми стенами и башнями, галереями переходов, подъёмными на цепях воротами и мостами. Всё раскрашивалось красками. Пытался я выпиливать и шахматный комплект, плоская ценность которого, правда, несколько померкла в моих глазах после того, как на уроке труда в школе я впервые выточил на токарном станке объёмную

пешку. Засыпая, я бредил всеми этими волшебными почти настоящими замками, оживающими фигурками в них, мечтал, как я сделаю вот это и ещё вот это... Реальность была несколько бледней фантазий, но вполне себе занимательной. Вооружались при помощи пластилина самодельными мечами, копьями, шлемами и щитами шахматные фигурки. Клеились пушки, их учили стрелять. Метательные машины метали. Флаги водружались и развевались.

Особой страстью моей были парусники. После пятнадцатилетнего капитана, детей капитана Гранта на «Дункане» и приключений капитанов Гаттераса и Блада я на всю жизнь подпал под обаяние хлопающих над головой парусов. Когда бывал в Ленинграде (там жила родня по отцу), то обязательно тянул взрослых в Военно-Морской музей на Стрелке Васильевского острова. Залы с громадными парусниками доводили меня до экстаза. Натуральность дерева, меди, холста парусины, пеньковых верёвок и канатов, шерengi свёрнутых трубками матрасов вдоль палуб, пушки и шлюпки, якоря и рынды просто сводили меня с ума. Я хотел иметь такое же дома!

Мои вожделения частично мне помог удовлетворить дядя Лин. Он неожиданно одноразово возник в моей жизни, когда однажды мы с моим двоюродным братом Олесью отдыхали на деревенской прародине наших родителей. Замечательным свойством дяди Лина было умение мастерить парусные кораблики. Настоящим охотничьим ножом он выстругивал из осинового полена, которое хорошо поддавалось обработке, корпус фрегата, из доски щепил и долго строгал разнообразные палочки — мачты, рей, бушприты, рули, сматывал их нитками и клеил. Из старой белой простыни аккуратно вырезал прямые и косые паруса, на нитках крепил их к реям. Потом также при помощи ниток крепил к корпусу, натягивал, выравнивал — выходило очень правдоподобно. И не только выглядел фрегат натурально: он ещё и плавал под парусами как настоящий! Из консервной банки делался киль, большой гвоздь внизу служил хорошим противовесом, так что даже при сильном ветре парусник не переворачивался, а боролся с бурей как настоящий (если только не замочить паруса). Фрегат мог ходить и бейдевинд, чему помогал проволочно-жестяночный руль. Поэтому, определив направление ветра (наслюнявь палец, подними вверх, почувствуй, с какой стороны холодно), можно было так заложить румпель руля, чтобы кораблик пересёк пруд и вышел в запланированную точку. О красоте хода под парусом рассказывать словами — что глухому музыку объяснять. Тут видеть надо.

Ещё дядя Лин изготавливал всякие парусные ладьи викингов, катмараны и тримараны. Материалом служила толстая кора больших сосен. Мы искали в лесу торчащие обломки старых деревьев, ковыряли с них куски коры, заранее предугадывая в них контуры будущих корпусов. Прямо на месте делали грубые заготовки, чтоб не тащить домой лишнего. К концу нашего отдыха у каждого из нас был внушительный и разнообразный флот, а пруд иногда в ветреный день пестрел парусами и вымпелами как на международной регате.

Наблюдая за действиями дяди Лина, я многому научился и потом сам делал свои многочисленные парусники. Кроме ходовых качеств старался придать им сходство с настоящими. Вырезал маленькие пушки, шлюпки, перила, делал ванты, якоря на цепях, которые можно было бы спускать, крутя лебёдку. Сажал туда капитана и матросов, даже фонари из лампочки на батарейке приделывал. Опять же в полуснах всё это волшебным оживало, двигалось, бороздило океаны и искало приключений.

Ах, если бы мне в детстве достались те некупаемые макеты кораблей и добрый взрослый наставник, этакий дяденька из судомодельного кружка Дома пионеров! Но эта альтернативная история прошла мимо меня. Уже во взрослом состоянии я смог собирать такие модели. Но, по Екклезиасту, всему свое время, и время всякой вещи под небом...

Я бывал во многих квартирах нашего двухподъездного дома. И не только в тех, где жили ребята. Мама и бабушка посылали меня отнести гостинчиком кусочек только что испеченного «Наполеона» Маригригоревне на третий этаж, тётё Клаве на первый. Ещё я спускался через этаж к тётё Жене Кузиной проверить, повешена ли у них трубка на телефоне: мы были с ними «на блокираторе». Могло быть две причины постоянных гудков «занято» — или там долго болтают, или плохо повесили трубку. А у нас срочный звонок. Ещё надо было бежать вниз, если у нас в семье кому-нибудь требовалось медицинское участие. Звали ту же тётю Клаву, Димкину маму, которая работала старшей медсестрой в больнице, либо врача тётю Лару со второго этажа.

Мы перестукивались с соседями через стенку, если чья-то жизнь начинала сильно мешать децибелами. Нам стучали по трубе соседи снизу, когда мы с Сашкой или с гостями носились по комнатам, как бы специально громко топая ногами. Иногда доходило до разборок «визави» — когда разгневанный сосед появлялся на пороге нашей квартиры. Хуже дело обстояло, если позвонивший в дверь сообщал, что мы их пролили. Шли посмотреть наш унитаз, батарею — ой!-ой-ой! Дальше — по писанному (как там у вас сейчас: суд, адвокаты, выплаты... Шутка).

Часы шахматных поединков с Вячеславом Вячеславовичем в его захламлённой комнатёнке. Дни рождения у сверстников. Приходили в гости друг к другу «поиграть». Страстный читатель, я интересовался содержимым книжных полок соседей, выпрашивал почитать книги себе домой.

У тётё Клавы была совершенно замечательная с моей точки зрения библиотека. Там, например, были такие сокровища, как полные собрания сочинений Дюма, Вальтер Скотта, Майн Рида. Мне выделяли старое громадное кресло в их единственной комнате, зажигали лампочку в люстре. Даже Димку куда-то спроваживали, чтоб не мешал. Часами я зависал в иных временах и нравах, телепортируясь к мушкетёрам, рыцарям или индейцам.

У Рафы я проводил иногда больше времени, чем дома, так что мне на это стала указывать мама. Рафа не всегда находился в своей с дедом комнате, но сидел в комнате родителей с телевизором. Меня тоже приглашали за стол. Было неловко есть каждый раз, вести светские застольные разговоры, смотреть глупые передачи. Но я терпел, в ожидании, когда мы всё же пойдём играть. Тётя Света была больная, немного передвигалась на костылях. Она передала болезнь сыну. Рафкин отец-армянин был абсолютно здоровым, работал на заводе, ему купили машину «Победа». Дядя Ремик практически каждый раз клал мне руки на плечи, поворачивал к себе мою голову и, глядя в глаза, весело спрашивал: «Ну и когда же ты мне сыграешь на скрипке "Танец с саблями?"» Я всё никак не мог понять, чего это он так ко мне привязался с этим «Танцем с саблями», пока, повзрослев, не познакомился с такими понятиями, как национальность, национальные особенности, национальная гордость. До поры до времени мне и в голову не приходило исследовать, например, национальный состав нашего дома в процентном соотношении. А он был о-о-чень интересный.

Ямпольские когда-то тоже жили в нашем доме, во времена юности мамы. Потом переехали на Свердловку, это значит на Большую Покровскую. Бабушка дружила с Фриной Соломоновной (Фринсламонна — звал я её), мама — с её дочерью Бэллой. Сын тётё Бэллы и дяди Феликса Игорь был моим другом. Почти братом. На этом настаивал Игоряня, будучи младше меня года на два. Он был отличнейшим другом для игр, азартным до пота и увлекающимся до неконтролируемой истерики. Я симпатизировал такому его искреннему подходу к делу.

Регулярно бывая в гостях друг у друга и нередко с ночёвкой, мы освоили широкий спектр настольных, настольных, надиванных и прочих «на-» игр. У него был недурной ассортимент игрушек. Заграничные красочные наборы рыцарей и индейцев, конструктор, настольный хоккей... По хоккею устраивались турниры с расчерчиванием таблиц. Хоккейные страсти страны накладывали на нас свой отпечаток, наши игроки звали друг друга какими-то Эспозитами и Холечеками, нападающими всегда выступали Мальцев, Петров, Харламов. Высшую лигу, само собой, представляли Канада, Чехословакия, Швеция, Финляндия, США, ну и СССР. С флагами. Спор шёл — кто за кого играет. Игоряня всегда больше хотел ребят с американского континента. Он вообще был англосаксоманом. Да и индейцев любил. Жевачки и их обёртки любил, бублумы и спеарминты, картинки и вырезки из иностранных журналов. Вся импортная печатная продукция имела почти валютную ценность — любая бумажка с картинкой комикса или латинскими буквами. Особо завидовал Игорёк моему из разворота журнала календарного размера Дину Риду. Красавчик сидел со своей гитарой у ног, в синей «джинсе», на раскрытой (волосатой?) груди его на шнурке висел амулет из какого-то клыка хищника. Умереть не встать, я, Вань, такого же хочу.

Тётя Бэлла преподавала английский язык в инъязе и имела производственные связи с заокеаном. А дядя Феликс вообще мог лабать на фо-но джазовые импровизации. Ну и, как говорится, «сегодня ты играешь джаз...» Атлантический вектор был понятен.

Многие наши игры были навеяны кино и книгами. Ответственность за индейцев делили Фенимор Купер с Гойко Митичем. Золото Маккены стучало в наших сердцах. Нас вдохновляли Болек и Лёлек. Айвенго вроде бы был изображён в учебнике истории средних веков — под забралом не разберёшь! Капитан Клосс уже сделал свою ставку, и она была больше чем жизнь. Поэтому изображаемый нами разведчик всегда ходил с загадочным видом, сжимая в кармане рукоять пистолета, и ежеминутно кричал «Хайль!», вытягивая руку в салюте. Иначе провал!

Когда мы переворачивали стулья, залезали туда парой бобслеистов, выставляли вперёд щётку и брали в руки пластиковый игрушечный руль — это означало, что начались танкисты с собакой. Снаряд попадал в грудь моего друга, он бездыханно падал на пол. «Не умирай!» — тряса его, всего потного (а мёртвые-то не потеют!) И он опять вскакивал, хватался за рычаги. И моментально снова падал, сражённый наповал. Реанимационные мероприятия могли продолжаться бесконечно, пока не приходила Фринсламонна и не звала нас на кухню скушать яичко-форшмак.

По инициативе Игоряни мы разучивали слова и пели: «Только стервятник, старый гриф стервятник / знает в мире что-почём», «Я начал жить в трущобах го-о-родских, никто меня не замечал. Когда качали мы де-те-ей своих, я есть просил, я замерзал», «Какое мне дело / до вас до всех / а вам до меня?»

Наверное, не стоит и говорить, что сегодня меня с моим «братом» разделяет океан... В обоих смыслах. Какое дело нам друг до друга?

Иногда во двор приходили эпидемии. Так было с прыгалками-«резинкой», о чём я уже рассказывал. Так было с «трясучкой». С пробками.

Эпидемия пробок нагрянула со школы. Чтобы играть, надо было иметь свои завинчивающиеся: от духов и от одеколонов в первую очередь (каждая имела название — «слоник», «черный принц», «дамка», «пустышка», «шлемик» и пр.) Пробки от всяких шампуней и непонятно от чего ценились меньше и принимались в игру по договорённости с одной «жизнью». Породистые могли иметь много жизней, их трудно было выиграть. Пробки пинали ногами, стараясь попасть в оную противника. При ударе закручивали как мяч, стараясь чтобы она встала — тогда можно

было бить несколько раз подряд, постепенно подбираясь к вражеской и последним ударом попадая в неё, после чего та становилась твоей. Играть можно было даже нескольким игрокам одновременно, все ходили с целлофановыми пакетами, наполненными сокровищами.

Понятное дело, в ваннных комнатах на маминых полочках мы выгребали всё что можно, и что нельзя тоже. Сколько одеколона было вылито в раковины, чтобы флаконы побыстрее освобождались! Если находился экзотический флакон с уникальной пробкой, тебе надо было придумать ей название, ранг, жизни — а потом еще и убедить всех в легитимности этого Мистера Икса.

Мне такое однажды удалось, и по-крупному. Я пошёл к маме в аптеку, где у сестры-хозяйки имелся целый мешок разнообразных пробок, которыми завинчивали различные пузырьки. Были там одни, немного напоминающие по форме «слоников», правда, полупрозрачные, мягкие и довольно лёгкие. Навив ими бесплатно карманы, я пошёл играть, объявив, что это ещё никому не ведомая разновидность «слоника» (пришлось, однако, сбросить одну «жизнь»). С помощью этой хитрости я значительно пополнил свой мешок реально ценными пробками.

«Трясучка» настоящими монетами была отнюдь не детской игрой, и страсти вокруг неё кипели тоже не детские. «Золотые» мальчики моего времени могли трясти рублёвки. Простой народ тряс одно-, двух-, трёхкопеечные монеты, больше ради азарта, чем выигрыша. Итак: орёл или решка? Чем больше монет в ладонях, тем интереснее — расклад становился непредсказуем, особенно, если одновременно участвовали монеты как «медных», так и «серебряных» номиналов. Ты шёл с некоторой суммой в кармане, выданной родителями на завтрак, на перемене в школе или уже во дворе тряса несколько раз, — и уходил. Богатеньким Буратиной или вообще бедным и голодным. С чужими и малознакомыми лучше было не связываться: могли просто отобрать деньги, дав по шапке.

Игроманы же, на мой взгляд, могли бы по истории своей болезни изучать законы статистики и больших чисел. Ведь если трясти много раз подряд, результат должен усредняться (если не жульничать, а были среди нас и шулера): с чем пришёл, с тем и уйдёшь, по идее...

Радио в нашей семье слушать постоянно как-то было не принято. Вот раннее воспоминание: включен приёмник, музыка, вдруг её прерывает строгий голос центрального диктора: «Внимание. Сейчас будет сделано важное сообщение!» Мама, услышав, встрепенулась тревожно: «Уж не война ли?» Но нет, другое: сообщают о гибели Юрия Гагарина, испытательный полёт... Мне, значит, нет ещё шести лет.

В самом раннем детстве телевизора ещё не было. Но в какой-то год наступила его эра. Это был «Волхов», плоское стекло, за ним довольно выпуклый серо-шероховатый экран. Там же, под стеклом снизу — очень симпатичный значок — «ладья», который всегда мечталось достать.

И сколько тогда у нас было каналов? Садись, два. Ещё была сетка вещания. То есть не «когда ты хочешь посмотреть», а «когда тебе покажут». Но дело это не меняло: смотреть тогда, на наш субъективный взгляд (которому и деревья в то время были выше, и колбаса колбасистее, и финики слаще, и пломбир настоящий, не то, что нынешний), было больше чего, чем сейчас по кабельному или спутниковому. Вот, перечисляем.

Скажем, упомянутые «4 танкиста и собака», «Ставка больше, чем жизнь». Кто не смотрел? Или о чём вам говорят имена пани Моники, пана Гималайского, панов Директора, Профессора, Юрека и Владека? Дрогнули и звякнули гирлянды занавеси двери... Ну? Подсказка: вот пан Ведущий запел вдруг голосом Карела Готта. Правильно, вспомнили. Что смотрим в Новый год? «Голубой... (огонёк)». В воскресный вечер? «А ну-ка... (парни, девушки)». Утром? Что у нас звенит?..

По расписанию, как у современных правильных родителей — 20 минут в день мультфильмов. «Спокойной ночи, малыши» — что конфетка «Попробуй, отними!». Одно кино. И новости, новости, новости. Манделы и Лумумбы, Косыгины и Подгорные, Вьетнам и Камбоджа. Не оторваться от экрана!

Один из самых приятных снов тогда случился с участием телевизора. Который там долго грелся и дёргался строчками. И в этом мельтешении вдруг начали возникать разноцветные полоски. А потом вспыхнуло, постепенно стабилизируясь, настоящее цветное изображение. Так я почувствовал новую эру телевидения, «важнейшего из искусств-2».

Вот первое из важнейших искусств. В кинотеатры маленьким меня водила бабушка. Обычно это был трёхзальный кинотеатр Минина. В больших Красном и Зелёном залах шли фильмы для взрослых, широкоформатные и широкоэкранные. А в третьем небольшом зальчике на втором этаже утром и днём крутили детские и документальные фильмы. Вот там мы и пересматривали почти весь репертуар. Сборники советских мультфильмов, игровые русские сказки с бабами ягами, кощегями и добрыми молодцами с лицами положительных антиголливудских героев или героев-ребят с пионерской психологией. Какие-то провинциальные дореволюционные истории из детства, очень атмосферные, так что щемило сердце. Ещё Голубая чашка Гайдара, Нахалёнок Шолохова, Снежная королева Андерсена, — перечислять долго. Из документальных на меня производили сильное впечатление такие ленты, как «Обыкновенный фашизм» Ромма, «Индийские йогии — кто они?», «Кому он нужен, этот Васка?» — о милосердии к животным.

Страна смотрела, мобилизуясь в дни показа по планам военного времени, комедии Гайдая, ждала новых приключений неуловимых мстителей и следов на песке ботинок товарища Сухова, потом подтянулся Эльдар Рязанов... Всё по нарастающей и по нарастающей.

Обязательными, как товары в нагрузку к дефициту, были киножурналы. Самые детскому ожиданию тягомотные — новостийная кинохроника с комбайнами, Дворцом Съезда Советов, встречными планами и бодрой музычкой. Зимой — летняя, летом — зимняя, за прошедший год. Интереснее был «Фитиль». Вообще хорошо — когда крутанут небольшой мультяк или историю из «Ералаша», пусть ты её уже и смотрел накануне.

С какого-то возраста стали меня пускать и на взрослые фильмы. Был долгий период, когда в кино мы ходили с Рафой, на инвалидной коляске. Тяжеленная трёхколёсная чёрная колесница с мощными рычагами. Рафа усиленно дёргал их, а я помогал толкать сзади. Достаточно разогнавшись по ровной дороге, можно было вскочить сзади на подножку и ехать уже с ветерком. Я покупал в кассе билеты, копеек за десять, доказывая, что иду со взрослым (нас уже знали). Потом мы ждали на улице у двери в один из залов, пока не закончится предыдущий сеанс. Ждать иногда приходилось долго, зимой грелись разговорами. Заезжали в узкую дверь, когда выходил последний зритель, а зал уже начинал наполняться новыми. Коляска с Рафой оставалась в проходе, я садился поближе к любому свободное место.

На экране скакали индейцы и ковбои, крался за повозками Чинкгачгук, двигался по каньону к своему золоту Маккена, вершили подвиги Фанфан-тюльпан, и Зорро. 300 спартанцев героически оживляли страницы учебника истории в Фермопильском ущелье. Нам были известны все парижские тайны, секреты графа Монте-Кристо и куда Ришелье с Миледи спрятали подвески королевы. Зал подозрительно переставал дышать, когда начинались вожделенные кадры капиталистической обнажёнки. Вот лежат в карьере на песке главный молодой «генерал» со своей возлюбленной. Он её, мёртвую, понесёт в конце на руках, и мы заплачем. Вот первое нагое утро Ромео и Джульетты. И мы опять

заплачем, когда умирающие руки протянутся одна к другой. Вот фараон, а Клеопатра должна показать голую грудь, если её не вырежут советские кинематографические хирурги. Ну голую-то руку с прививкой от оспы оставят, эка невидаль!

После во дворе можно несколько дней в лицах пересказывать содержание просмотренного, присочиняя на ходу. «Он так тянет руку — Фантомас, сними маску, — а он ему — бац. И это вовсе не Фантомас, а комиссар Жюв. А у машины вот так выпускаются крылья и она — вжик — улетает. И он поднимает костыль, а это не костыль, а автомат, а те с аквалангами лезут из фонтана, он — тра-та-та-та-та!» Три серии про Фантомаса, работой тогда ВЦИОМ, точно бы получили топовые рейтинги. Мало кто, наверное, прошёл мимо искушения натянуть мамин чулок на голову и поиграть в «Фантомас, сними маску». Анискин в то время, похоже, расследовал совсем другие дела. А уж анекдотов и баек вокруг ходило! Типа, французы сняли уже 50 серий, и в конце там такие есть, про Фантомаса и Элен, где секс на сексе и сексом погоняет: отдыхай, Анжелика (зажмуриваемся, представляем). Но их нам никогда не покажут. Никогда!

Ещё сборы проката давали первые, начавшие появляться японские рисованные мультфильмы. Кот в сапогах, Джек в стране чудес, корабль-призрак. Наш «Ну, погоди!» был тоже отличный, с нетерпением ждали новых серий. А вот вся эта ясельная кукольная отечественная малобюджетная и нетехнологичная лабуда лично меня вгоняла в тоску. Даже Элли с Тотошкой, даже Гена с Чебурашкой.

И вот насчёт тоски. Кто-то из предков по генной линии всё же передал мне её в метафизическом варианте. Приходил момент, и приходила она. Сидел у окна, грустил. Непонятно сжималось сердце, хотелось — невесть чего. Или ничего не хотелось? А вот и вопросец: «Мама, я умру?»

Намаявшись до тошноты сам с собой, я действительно шёл к маме. «Мне скушно!» У неё для такого случая был ответ: «Ну что, тебе Гофмана с барабаном вызывать?» Я не очень представлял себе этого Гофмана и его барабан, но уже размышления о нём как-то облегчали сердце. Я и сегодня иногда мысленно зову Гофмана, когда накатывает депрессняк.

Страхи во снах были больше страхов реальности. Ну да, потом я учил, что бытие определяет сознание. Продолжаем — и подсознание тоже? И сны?

Вот примеры. Я лежу зимой на крыше сарая, напротив дома. У меня настоящий пистолет. Враг-одиночка бежит вдоль подъездов, огибает садик, подбирается к месту, где мы всегда залезаем на сарай. Он приближается ко мне. Патрон за патроном я всаживаю в бегущую фигуру. Но она как заколдованная, хотя давно уже должна упасть, мои пули ничего ей не делают. И так не честно. Но всё по-настоящему. Он уже вырастает за моей спиной, я втягиваю голову в плечи в ожидании удара ножом. Лишь пробуждение продляет мою, готовую оборваться, жизнь.

Другие сны, вариативно повторяющиеся. Мы за мир. Американцы в Канзасе роют атомные погребя-убежища. Ночное небо над Горьким, чёрное, тревожное. И в нём появляется истребитель. Он уж точно пятого поколения, хотя у нас пока четвёртый экономический уклад. Наш ли? Какой-то тренировочный самолётик долго кувыркается перед окнами нашего дома. Что это он? Вдруг с неба в него впиваются трассеры, он ломается, рушится, падает в соседние дворы. Проходит на низкой высоте группа вертолётов, видно их подвешенное вооружение. Но это ещё может быть учения? Тут очень высоко над городом появляются две светящиеся точки. И это стратегические бомбардировщики. Чьи они, уже понятно: на Ковалихе и дальше начинают расти гигантские

красные цветы взрывов. Город бомбят. Это не атом, не всё закончится мгновенно. Можно спастись, но для этого надо бежать из дома, который обрушится вместе с тобой, если попадёт бомба. Обувь на босу ногу, шубу не застёгивая, шапка в руках — нёкогда! Быстрее на улицу, в ночь, прочь от зданий, вниз, к Волге, и там вдоль реки подальше от города. Уже снизу поднимаю взор на горящий город, на стаи торжествующих самолётов, которым не до меня.

Ленин — молодой, Октябрь — впереди. В моём тоталитарном детстве никто не догадывался, что лимит на революцию исчерпан. И она преспокойно себе шла, в частности, научно-техническая, нисколько не подозревая, что она — лимита. НТР не отменяла, а даже поощряла информационные технологии, которые, правда, ещё не выперлись на первый план. Кино, ТВ — это понятно. Но люди и газеты читали, и журналы — даже ещё не глянцевые! Надо же было как-то оправдываться, что мы — самые читающие в мире.

Не знаю, как где, но в нашей семье годовые подписки на кучу изданий были всегда. Мне с ранних лет выписывали «Мурзилку», «Весёлые картинки», позднее — «Пионерскую правду», «Пионер». Годами, ещё до эры популярности толстых журналов, в почтовый ящик приходили «Литературка», «Наука и жизнь». От дяди мне досталась громадная подборка «Техники — молодёжи» за много лет. Названия подписных изданий менялись по мере моего взросления вместе с интересами. «Юность», «Искатель», «Юный натуралист»...

Нескончаемые советские комиксы с Мурзилкой, Карандашом и Самоделкиным. Можно было бы снять сейчас отличный римейк-блокбастер, как команда этих супергероев спасает мир не хуже известных набивших оскомину иностранных уродских наёмников (если бы мы сегодня — гипотетически — жили в социалистической реальности). Я любил рисовать улыбающегося жёлтого мохнатика в берете и шарфе, как и Буратину с его заветным ключиком, от которого во все стороны расходились лучи, как от нимба святого.

Впервые со страниц этой периодики ко мне пришли «гарантийные человечки» (вроде, тогда ещё не зелёные), крапивинский мальчик со шпагой, Алиса Кира Булычева. В «Науке и жизни» интересными и ожидаемыми были странички, где предлагались какие-нибудь чудесные подделки: мы с отцом многое из увиденного воплощали в эту самую жизнь. Занимательные задачки, головоломки, необычные логические игры привлекали наше внимание. В «Литгазете» первой и часто единственной прочитывалась мной последняя полоса с юмором «Клуб 12 стульев». Тяжелейшее детское отравление им навсегда отвратило меня от этой весёлой запечной, шевелящей усами компании.

Как любому советскому человеку по определению мне был свойственен милитаризм. Ведь мы надрывали пупок в гонке вооружений, в предвкушении аннексировать лучшую часть мира. Посмотрите на наши детские рисунки: солдаты идут и танки горят. Пушки стреляют красными огненными вспышками, снаряды летают по пунктирным траекториям. Солдаты шеренгами начинали маршировать по бумаге, как только советский мальчик осваивал первый урок про «палка-палка, огуречик».

Милитаризм прививался и школьными учебниками истории, и книгами по внеклассному чтению. История шла от древнего мира. Спартанцы воспитывали своих сыновей под угрозой бросить в ущелье на заточенные палки, поэтому останавливали врагов в Фермопильском ущелье в соотношении «один к тьме». Ксеркс вынужденно сёк море. Ахиллес не уберёт свою пятку, Одиссей же всех обманул, женихов наказал. Язон сотоварищи плыл на глазастом «Арго» за золотым руно, Геркулес

подвизался у Авдия чистить конюшни и косил полчища проросших драконьих зубов. Всё это захватывающим потоком лилось со страниц учебника и книг, соответствующая полка в библиотеке с которыми была ускоренно прочитана от начала до самого последнего листочка. По Одиссее, Илиаде и мифологическому словарю я тщательно изучил и сделал сравнительный анализ древнегреческого и древнеримского пантеонов богов, выписав их столбиками в специально заведённой тетради. Если бы это спрашивали на уроках! — у меня от зубов отскакивало. В реальном же плане, кроме неоднократно нарисованных мной греческих и римских воинов в характерных шлемах с гребнями, в наколенниках, панцирях, сандалиях, с щитами, копьями, мечами, дротиками, — я заимел всё это обмундирование и вооружение в картонном и фанерном исполнении себе лично. В отсутствии соперников, которых можно было бы сразить, я в одиночестве облачался и, покрутившись перед самим собой в зеркале и сделав несколько тренировочных выпадов, разоблачался, ставил доспехи в угол.

Древний мир сменился Средними веками. Римляне и греки оттеснены рыцарями и замками. Айвенго с Квентином Дорвардом и Белый отряд, распри Двух Роз заняли мои мысли и раззадорили фантазии. Последние тут же воплощались в соответствующую экипировку, а также в атрибутику игр. Шахматные пешки наряжались и вооружались с помощью пластилина изготовленными миниатюрными мечами, копьями, щитами из пуговиц, шлемами из пробок, аккуратно вырезанными из тряпочек цветастыми плащами. Строились фанерные замки со сторожевыми башнями с воротами и подъемными на цепях мостами. Выпиливались фигурки сведённых под копирку с учебника рыцарей, раскрашивались, приделывались на подставки...

А время шло. Подступали уже мушкетёры и гвардейцы кардинала. Долой доспехи и мечи, давай шляпы и шпаги. Опять у меня изготовленные бабушкой плащ с крестом во всю спину, настоящая шляпа от д'Артаньяна, в руках купленная в наборе пластиковая рапира с утолщением на конце. Мы с Димкой хлещем и лущим друг друга. Больно. Владислав Крапивин учит меня фехтовать: я умею ловко кончиком шпаги отвести удар, чтобы он по клинку, дойдя до эфеса, ушёл в сторону, а потом, нагнувшись и сделав гигантский шаг-скачок вперёд, нанести смертельный укол. Прочитан весь Дюма, который отец, вероятно. В спутниках моих со шпагами в руках капитан Блад, Зорро, Фанфан-тюльпан и прочие задиристые персонажи. Сам я тоже давно уже известен под именем графа д'Ан-Стара.

Двухтомный «Порт-Артур» Степанова наполнил моё сердце броненосцами и крейсерами. Я вычерчивал на листках в клетку силуэты кораблей эскадры — «Варяга», «Аскольда», «Петропавловска», подписывал внизу характеристики — количество труб, башен, палуб, орудий всех калибров. Это за неимением возможности собирать настоящие пластиковые модели. Ну да, уже взрослым я склеил все эти ширпотребовские детские модельки «Аврор» и «Варягов», как и хрестоматийных парусников, но только чтобы запоздало удовлетворить свою детскую страсть. Какое тут сравнение?!

Вырос я человеком мирным. Советская страна ковала себе оборонительно-захватнические кадры назло буржуазной Европе. На военной кафедре я изучил секретное количество натовских дивизий и «Першингов» на ТВД, их национальную принадлежность, а также все объекты, которые должны были стать мишенью моей РАС на тактическую глубину нашего полка. После окончания вуза в закрытом «ящике» под контролем 1-го отдела я должен был крепить нашу «оборонку», как минимум процентов на 70 от всей нашей продукции. Но пришли новые правители и всех нас освободили. От флота, от стратегических бомбардировщиков и ракет, от РАС и военных баз, от стран и республик, непосильным грузом лежащих на наших потребительских потребностях. Многих освободили

от работы, объявив такую работу «на войну» причиной нашей тотальной нищеты.

Побрёл я в гуманитарную сторону. Из инженеров в учителя, потом — во вторую древнейшую профессию, далее — в наркосиндикат под названием «опиум для народа». В детстве, прочитав «Кондуит и Швамбранию» Кассиля, я из большой зависти тут же придумал себе свою страну. Моя волшебная страна была вычерчена в картах, создана в письменной истории её персонажей, отрисована в картинках и даже воплощена в поэме. Сегодня, оглядываясь в прошлое, иногда кажется, что настоящей моей Швамбранией стала всё же страна детства. И кроме как через грёзы пути в неё нет.

Умеете вы делать бескозырку из картона? Попробуйте — получится. Круг, кольцо с зазубринами для приклеивания по окружности, обтянуть материей, приклеить две ленточки. Матрос.

Если из прозрачной пластиковой пластинки, что вынимается из воротничка новой рубашки, вырезать лыжника, загнув его фигурку от перпендикуляра к плоскости лыж немного вперёд и наклеив к голове немного пластилинового груза, то его можно пускать по свежему насту вниз с Откоса. Некоторые совершают свой слалом довольно далеко и красиво.

Два спичечных коробка, соединённые ниткой, превращаются в телефон.

Из тетрадных листов тонкой ученической тетради, где на последней странице обложки или таблица умножения, или клятва пионера, можно делать хлопущки, хоть одноствольные, хоть двухствольные. Тюльпаны. Прыгающих лягушек (даже маленьких, как у Левши). Делать самолётики, галки, ракеты. Вертушки. Можно попробовать приделать две маленькие вертушки как пропеллеры к самолёту. Лодочки и двухтрубные пароходики. Если лодочку сложить из газеты, то её можно носить как шапку. Но она слетает, поэтому практичнее от солнца делать пилотку. Она потом выгорает до желтизны.

Умеете ли вы играть на пианино? Не знаю, но думаю, что умею. Мы не знали, что умеем оригами.

Как сегодня смартфон, у каждого порядочного советского мальчика должен был быть в кармане ножик. «Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить». То немец. У нас же были мирные ножи. Как и мобильник его можно было использовать для игр. «Ножички», «Стрелки» на земле в садике. Один втыкает в землю сидя или стоя и рисует стрелки, другой идёт за ним, втыкает, зачёркивает убитые. Пока не догонит первого. Ножичек надо было уметь метать и втыкать не только в землю, но и в забор, в дерево (простите нас, зелёные экологи!) А вот что касается потребления информации, чем заняты сегодня без отрыва на обед смартфонные ребята-«кнопчники», нож был отстало бесполезен. Он навсегда застрял в производственно-промышленном укладе жизни, презирая непомерно вылезший ныне информационный, и отосился к товарам группы А (средства производства). Ножичек-Самоделькин производил наши игрушки — строгал палочки, вырезал дощечки, ковырял дырки. И стал почти не нужен детям с наступлением эры информационного потребления.

Когда отец дома, к нему пристаёшь с «давай поиграем». Он не будет возиться с тобой в солдатик, а вот в настольные игры — да. Или в игры на бумаге. Нужно только два листка и две ручки. С ним здорово сыграть несколько партий в «морской бой» или в «угадай слово», когда за каждый твой промах сначала начинает появляться виселица с верёвкой, а потом ты и сам начинаешь болтаться на ней, впрочем, чаще в результате без

руки или ноги. Или «крестики-нолики», но лучше не 3х3, где предсказуемо «ничья», если не ошибаться, а «пять подряд» на неограниченном поле.

Воздушный бой почти так же увлекателен, как «Чапаев». На листе тетради друг против друга два аэродрома с десятком самолётиков-крестиков на каждом. Ставишь на одного перпендикулярно шариковую ручку, держа её за конец одним пальцем, отклоняешь, надавливая, в противоположную предполагаемому движению сторону и стараешься прочертить на листке траекторию полёта — как падающей звезды в ночном небе. Делая ходы по очереди, сближаешься с самолётом противника и пытаешься сбить его, идя на гаран. Плавающий сбитый самолётик отмечается дымом и могильным крестом, с аэродрома поднимается следующий.

«Автогонки» дают первые познания в теории векторов и инерциального движения. Главное, не слишком намудрить с трассой, чтобы не заставлять машинки если не врезаться, то постоянно останавливаться на каждом повороте. Кто-то любит разогнаться до пятой скорости, а потом резко тормозить, кто-то выдерживает среднюю скорость, работая попеременно педалями газа и тормоза. Один закладывает лихие виражи по длинной дуге, другой же крадётсь вдоль стеночки, срезая расстояние. Кто будет первым на финише?

Если не во дворе, то уйму времени можно было проводить, играя в настольные игры. Хорошо для этого случая иметь партнёра — Димку, Рафку, Игорька. Можно упросить отца играть. Когда нет никого, на этот крайний случай играешь сам с собой, раздваиваясь. Особое умение тут требуется, чтобы обыграть даже не второго игрока в себе, а обыграть характер каждого игрока. Например, ты, умный, понимаешь, что твой противник глуповат. Ты-то играешь по-умному, а вот он ход за ходом делает плохие ходы. Это потому что он от природы глуповат. Поняли, кто выиграет?

Я сам с собой играл в шахматы, в «Чапаева», позже в карты — даже пульту преферансную расписывал «на троих», тут один вообще за «болванчика» был, карты свои вскрывал на обозрение всем. Играл в настольные магазинные игры, где картонное раскладное поле, какие-нибудь иногда даже очень экзотические фишки были, два кубика, цветные картонные или жестяные квадратики или кружочки — мало ли что? Сочинители этих игр, конечно, изощрались, но многие из них всё же были тривиально-похожими, как современные мыльные ТВ-сериалы. Однако, попадались и очень даже креативные сценарии игр, когда находилась оригинальная идея. Я эти идеи не пропускал мимо и сам доводил такие игры до идеального абсолюта, пестуя свою страсть к гигантомании. Двумя выдающимися примерами стали «Подводная лодка» и «Бой 1812 года».

Идею «Подводной лодки», помнится, я позаимствовал из предложенной то ли «Мурзилкой», то ли «Весёлыми картинками» настольной игры. Там было игровое поле-разворот, с морями, материками и островами, на которое была нанесена координатная сетка, нумерованная по принципу шахматной доски или «Морского боя». И три бумажные фишки — «подводная лодка» и два «морских охотника». Надводная скорость лодки и охотников были равны, а подводная у лодки меньше. Когда она погружалась, то снималась с доски, и последующие ходы, пока хватало кислорода, записывались игроком-подводником на бумажке втайне от противника. Этот бортовой журнал потом служил доказательством, что ты не жульничаешь. Морским охотникам приходилось считать и угадывать, где может проскользнуть подводная лодка, и бомбить её вслепую глубинными бомбами. Или ждать, пока она всплывёт поблизости и устроить артиллерийскую дуэль, бросая кубики, используя численное преимущество. А лодка стреляла торпедами из подводного положения. Если промахивалась, риск быть разбомбленной сильно увеличивался, потому что очевиднее становилось её местонахождение.

Я подошёл к делу генерально. Поле расчертил на ватмане в несколько сот клеток. Изобразил и раскрасил замысловатые проливы, фьорды, бухты, глубоководные впадины, порты и причалы, заправочные базы. Подводных лодок был целый отряд на своей базе. Противостоял им полноценный флот — малые и большие охотники, эсминцы, крейсер (начитался Леонида Соболева). Чтобы управлять такими соединениями, нужны были адмиральские умения. Тут Димка не тянул, зато Рафа увлёкся, и мы с ним часами делали морские баталии или у него дома или на столике во дворе. Подходили зеваки, ребята постарше, карточные игроки — и оставались глазеть на наше сражение, отложив свои карты в сторону.

«Бой 1812 года» изначально был обычной покупной настольной игрой. Поле, кубики. Листы с нарисованными синими и зелёными солдатиками-пехотинцами, артиллеристами, всадниками, офицерами и генералами. Контурные пушек, мортир, редуты, мостов и шатров. Всё это надо было вырезать, склеить, чтобы получились стоячие фигурки на подставках. Дальше армии расставлялись друг напротив друга и ходили по очереди по установленным правилам, стреляли, били штыками, рубили саблями. Дальность выстрела выпадала на брошенных кубиках. Пушки и мортиры сметали всё на траектории выстрела и накрывали площадями. Без артиллеристов пушки не стреляли: брошенные можно было захватить себе. Редуты и ограды защищали. Речки можно было форсировать только по мостам — тут-то неприятель и выставлял особо сильные заслоны и батареи. В результате надо было захватить вражеский штаб-шатёр или поубивать всех.

Я склеил уже два ватманских листа, поле получилось в размер стола в гостиной. Производство орудий и фортификационных сооружений было поставлено на поток, номенклатура их выросла. Тут тебе и единороги, и чуть ли не «Царь-пушка». Солдаты вводились в строй не хуже, чем у Урфина Джюса, жаль только, порошка живительного у меня не было. Но моё всё оживляющее воображение меня вполне тоже устраивало. Фигурки я срисовывал под копирку с имеющихся у меня вкладок из прекрасной книжки о войне 1812 года. Там были изображения воинов русской и французской армий во всём их разнообразии. Можно себе представить, какую уйму времени занял у меня мобилизационный период. Но не подозревая того, пятилетку я делал в три года и следовал завету неведомого мне пока Сталина: «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Вся возня с подготовкой, изготовлением, рисованием, вырезанием, раскрашиванием увлекала меня не меньше, а то и больше самого процесса игры. В результате чаще в гордом наполеоновском одиночестве я часами расставлял свои полки, двигал армии, жертвовал ими. Потом путался в подсчётах, голова начинала болеть, я уже не знал, кто и куда ходит, куда стреляет. Картина боя становилась как в дыму, я глядел на неё безумными глазами какого-нибудь Пьера Безухова...

Из семейных игр уважался больше всего «Эрудит», иногда семья заседала и с «Русским лото».

Вот чего у нас не было во дворе, так это собак. Да и что им было делать среди такого множества детских ног — кусать их? В соседних двориках квартала таковые водились, и даже с предупреждающими надписями. Мы туда и не очень совались, если только Димон не хотел принести домой маме зашивать штаны. Но раз как-то всё же в углу сараев появилась у нас конура. Суку дворнягу прозвали Динкой, и была она Рафина. Он очень просил родителей купить ему собаку, ну прямо как Мальш, который с Карлсоном. Постоянное «нет» вынудило действовать самостоятельно — и вот конура. Хотя Динка Рафина, кормят её все, бегают с ней на верёвке по очереди. Рафа рад. Месяц, другой. Взрослые знают, что будет. Мы — нет. Динка, к своему счастью, до зимы не дожила. Рафа горевал.

Ещё в мальчишеские годы увлёкся отец фотографией. И он оставил нам с братом на память прекрасные фотоальбомы о нашем детстве.

Выходные. В туалете городится фотолаборатория. Занавешивается плотной тряпкой маленькое оконце сверху, протягивается тройник-удлинитель, на унитаз кладётся доска, на неё водружается величественный фотоувеличитель. Подвешивается красный фонарь, готовятся растворы проявителя и фиксажа. Три ванночки, промежуточная — для промывки. Внизу на полу тазик с чистой водой — туда бросают готовые снимки, вымывать остатки ненужных растворов, чтоб пятен не было.

Места мало. Отец на маленькой табуреточке, я дышу у него за спиной, обняв за шею. Мы предупредили, чтобы не включали в туалете свет, глаза уже привыкли к тусклому красному освещению фонаря. В увеличитель запровадена проявленная накануне плёнка, рассматриваем кадры, пытаюсь угадать запечатлённый в чёрно-белой инверсии сюжет. Какую бумагу берём: глянцевою или матовую? Наводим резкость, выключаем, ровно кладем лист в рамку, прижимая двумя движущимися пластинами, чтобы получились белые ровные поля. Отец тыльной стороной ладони закрывает объектив. Я щёлкаю выключатель, отец отводит руку, считаем: «Двадцать один, двадцать два, двадцать три... Хорош!» Опять щелчок — дальше в проявитель. Возим большим пинцетом, иногда поднимаем посмотреть, волнуясь: передержали или недодержали? Забавно, когда начинают проявляться лица, предметы, ждёшь, чтобы появилось всё изображение. Некоторые его части начинают подозрительно чернеть, я нетерпеливо шепчу: «Хватит, хватит!» Но это эффект красного фонаря, и если меня сейчас послушатся, то фотки выйдут блекло-серыми. Вот теперь хватит. Промывка, фиксаж. Следующий. Иногда при засветке отец как факир ловкостью рук что-то высвечивает или затемняет в кадре. Некоторые приходится перепечатывать, используя горький опыт неудач. Бумагу большого формата экономим, разрезая её ножом пополам, а то и на четвертинки. На маленьких обрезках достаётся поэкспериментировать и мне, я сам вожу руками, сам щёлкаю, сам считаю...

Наконец-то всё закончено! Уставшие, но довольные... Непривычно яркое свет лампы на кухне. В большом тазу в ванной под струёй тщательно промываются холодной водой фотографии, после развешиваются сушиться на прищепках на протянутых верёвках. Глянцевые можно попробовать сушить в глянцевателе, но он барахлит, глянец получается неравномерный. Поэтому, лучше и не надо, и так сойдёт.

На следующее утро коржики снимков надо сложить, положить под пресс, затем уж обрезать и показать всем домочадцам: вот мы какие!

У мамы в аптеке я был любимчиком, меня все привечали, когда я приходил туда после физиолечения или еще по какой надобности. Посудомойка Мария Ивановна, грубая большая тётя, рядом с которой мама казалась девочкой-принцессой, позволяла мне позаниматься с её пузырьками, склянками, пробками и крышечками, которые она мыла, а потом стерилизовала в автоклаве. Я любил пристроиться к изготавливающему порошок, получить в работу аптекарские весы с набором гирек и миллиграммных пластинок в чёрном изящном ящичке. В одну круглую чашку весов надо насыпать порошок и уравновешивать гирьками и пластинками в другой. Потом брать заранее нарезанную вощёную полупрозрачную бумагу, сыпать туда отвешенный порошок, заворачивать специальным конвертиком. Вначале мои порошки получались отличными, в смысле, от других, выдающимися. Но потренировавшись, я налаживал выпуск вполне себе товарной на вид продукции, которую можно было давать больным.

Порошки мне доверяли самые вкусные: смешать глюкозу с аскорбинкой. Я их, конечно, пробовал, перед тем как погрузиться в дело. Нескольких штук выпрашивал в качестве гонорара взять домой.

Ещё обязательно просил налить стакан дистиллированной воды. Она реально не имела вкуса, но мне мерещились её особые какие-то целебные свойства, то есть я был в заблуждении, фатально перепутав живую и мёртвую воду.

Что может быть приятнее и щекотливее тёмной комнаты, особенно если это твоя комната?

Тёмная комната была официально нужна, когда собирались смотреть диафильмы. Стена в закутке или дверцы шкафа — экран. Стул посередине, на нём стопка книг для регулировки высоты. Главное — не задеть в темноте шнур, не разбить лампу. «Кинщик» заправляет плёнку, наводит резкость, крутит ручку перемотки кадров. Ему шикают, когда кадр встаёт неровно, он нервничает ещё больше, что-то идёт наперекосяк, видно, как на экране плаваются пузыри, чувствуется характерный запах. Включают свет: «Эх, ты!»

Диафильмов много, целая коробка. Их привезли из поездок в Ленинград, подарили на праздники. Коробочки жестяные или побольше — пластиковые. Бумажные наклейки с названиями фильмов часто слетают и валяются свёрнутыми колечками. Невесть откуда взявшиеся старые, еще даже не цветные плёнки, а также обрывки их хранятся без коробочек в рулонах. Часто плёнки перепутаны и засунуты не в свои коробки после предыдущего просмотра. С мамой наводим порядок, вскрывая все по очереди и восстанавливая справедливое мироустройство, потом аккуратными рядами укладываем в коробку.

Фильмы есть и совсем детские, и сказки, и по мультикам, и по книгам, да и просто оригинальные сюжеты. Много любимых, я их достаю и в порядке очереди на просмотр выстраиваю поближе к проектору. Обычно очередь длиннее возможностей, которые определяются временем и усталостью.

Компания парней — ровесников Рафы — приглядела наш двор в основном из-за столиков в нашем скверике со скамейками напротив друг друга. Для игры в карты. Сила дворников, Маригригоревны постепенно сошла на нет, некому было их гонять. Они приходили по одному или гурьбой ближе к вечеру, балагурили, забывали «козла». Позже пошёл преферанс, на небольшие, но всё же ставки. Рафа иногда играл с ними, я всегда крутился около. Ко мне маленькому относились добродушно и одарили кличкой «блондин». Я собирал и считал взятки, болел за какого-нибудь игрока, который советовался со мной как с равным. Иногда даже вручали карты «доиграть», если срочно требовалось отлучиться.

Так, наблюдая, я хорошо выучил карточные игры и соображал иногда не хуже парней. Играть я мог, но меня не брали. Один раз я был допущен к партии на каких-то особых ставках за вист, сильно волновался, сидел с красным лицом, потяя холодным потом. Обошлось. Однако больше участвовать уже расхотелось: приятнее и безопаснее было смотреть со стороны. Хорошо, что не тебя, а Сину или Гошу спрашивают: «Ты мне уже рубль двадцать должен, когда деньги будут?»

Меня интересовали не деньги, а процесс. Выучившись во дворе, я перешёл к себе домой и резался в козла или преферанс в гордом одиночестве, отрабатывая до совершенства «мизера́», разные «паровозики», лоя «шамайку» и оставляя противника вообще без взяток, удачно сыграв в «угадайку». Постепенно интуитивно я нащупал ту границу, после которой умение уже ничего не значило, а начинался статистический расклад. Если без шулерства. Насытившись, моя картёжная страсть как-то улеглась сама собой, и меня уже не так трясло при виде колоды карт.

Кроме картёжных игр меня обучили и еще кое-чему «взрослому». Пить-курить я не стал, но мог зажечь сигаретку, подержать, пока с за-

маха будут бить картой по столу. Однажды нечаянно задев курок своего взведённого самострела, я сбил пепел папироски сидящего рядом, когда тот затягивался. Все помялись, одобрительно похлопывая за ловкость... но попадаи я в глаз?

Громадный Ухин поражал всех умением отборно артистично ругаться. От него я впервые узнал, что такое трёхэтажный мат. Особую пикантность его тирадам придавали вставляемые медицинские термины на генитальную тему: он учился на судмедэксперта. Он же притащил и показывал нам всем толстую учебную книжку со страшными снимками разной расчленёнки, ран, обезображенных трупов. Из его декламации мне выпало познакомиться с такими образцами отечественной классической литературы, как поэмы про Луку Мудищева и «Гавриелиада».

Правду сказать, все эти ребята были из вполне пристойных семей, большинство училось в нашей школе, комсомольцы, красавцы. Они могли сорваться с картёжных мест и пойти играть с пожарными в волейбол. Играли они очень неплохо, были спортивные, тренированные, так что разновозрастный пожарный расчёт в белых казённых рубашках, галифе и кирзачах обычно неповоротливо проигрывал. Чтобы уравновесить силы, делали смешанные команды. Мы с Димкой с крыши пакгауза наблюдали за игрой (отличные зрительские места!), болея за «наших». Обидно было, когда победа была уже близка, но тут раздавалась сирена, и голос дежурной бесстрастно оповещал, что «вторая на выезд». Половина игроков срывалась и бежала. Её можно было дожидаться минут через пятнадцать, если вызов был «ложный». Если дело было серьёзное, все понемногу рассасывались, сожалея об упущенной официальной победе.

Редко, но всё же иногда парни эти принимали участие в наших общих дворовых играх. Это и были те побоища-«армагедоны», и зимой, и летом, о которых рассказывалось выше. Самый «крутой» из нашей малолетней компании, Димка, становился тогда объектом их охоты, и ему приходилось не сладко. Он словно наш краснорезвездный «И-16» бился в одиночку со стаяй «мессеров» в небе первого года войны. Затравленный, он погибал, но не сдавался, вызывая наше благодарное восхищение. Загнанный высоко на дерево, на той ветке, которая не выдерживает взрослого, Димка продолжал осыпаться проклятиями врагов. И только град земляных комьев останавливал его последние крики.

Взяв в руки карты, ты уже не полезешь в песочницу. Потому что у времени есть одно неоспоримое свойство — идти вперёд, о чём нам ежедневно напоминала музыка в заставке программы новостей. Уже невесть какое число таких заставок отзвучало в моей жизни, когда вместо игрушечных солдатиков и машинок меня стало больше увлекать радиодело. Вообще-то как старший товарищ этим первый начал заниматься Рафа.

Паяльник он держал запястьями, потому что пальцы у него не работали. Со временем он стал отличным мастером, мог профессионально чинить различную электронику, сам собирал много чего полезного как себе, так и на заказ. Рафик был ограничен в передвижении, и тут нашёл себе подходящее занятие для самореализации. Очень скоро у него в комнате оказалось всё необходимое для такой деятельности: куча различных, в том числе дефицитных деталей — дорогостоящие диоды, транзисторы, тиристоры (уже эра полупроводников сменяла ламповую), позднее микросхемы; кассеты резисторов, разные конденсаторы, катушки, маленькие трансформаторы и пр. и пр. Он копировал на фольгированный текстолит дорожки схем соединений, закрашивал их специальной белой краской, травил кислотой, просверливал тонким свёрльшком дырки для пайки. Получались настоящие монтажные платы, пусть и не такие аккуратные, как фабричные. У него имелись хорошие тестеры, маленький осциллограф. Он выписывал и доставал различные журналы по радиоделу, справочники по деталям. Я часто помогал Рафе в его занятиях, мы вместе выискивали

интересные схемы, оценивая возможность их оживить в реальности. Был его руками, когда запаивали или прикручивали что-то сложное.

Мои собственные радиолюбительские опыты были куда скромнее, в основном из-за недостатка финансирования, а точнее, полного его отсутствия. Старый отцовский пробник с двумя допотопными «крокодилами». Развороченный, еще с лампами, остов магнитофона, найденный в нашем сарае в фанерном ящике из-под посылки — папа тоже, было время, пытался что-то собрать. Коробка военных зелёных конденсаторов непонятного номинала. Динамик с разорванным диффузором. Старинный микрофон времён первых «голубых огоньков». Он, похоже, не работал, но мне казалось, что если в него погромче крикнуть, то какие-то звуки уходят по проводам и, якобы усиленные, чуть слышными возвращаются через громкоговоритель: за криком было не разобрать.

Я очень стал внимателен к содержимому помойных ящиков и всему, что выбрасывают рядом или за ними. Любая шутовщина, содержащая нечто похожее на то, что может пригодиться, тащилась мной домой и там курочилась на составные. Выпаивать детали было сложно, поэтому чаще они выламывались или обкусывались кусачками. Чтобы потом их поставить в свою схему, приходилось проволочками наращивать ножки. Я соорудил из спичечных коробков кассетник и раскладывал туда отдельно омы и килоомы, единицы микрофарад и их сотые и десятые доли. Ходовые у радиолюбителей диоды и транзисторы были у меня на вес золота, а о «полевых» маленьких оранжевых транзисторах я мечтал, засыпая.

Большой удачей для нас с Рафой стала обнаруженная в дальнем углу двора соседнего «политеха» радиопомойка. Туда выносили неудавшиеся инженерные эксперименты. Вообще-то вход в дальний глухой двор закрывался воротами, запиравшимися на замок, но не всегда. Прорвавшись, удавалось нахватать каких-то непонятного назначения недоделанных корпусов приборов. Если дворник или начальник хозчасти не застукивал нас на месте преступления, мы как нормальные советские «несуны» возвращались с добычей домой. Я всегда боялся, что нас нечаянно запрет в этом пустынном институтском дворе.

Чудо — но это так. Если трубу отопительной батареи напильничком просколблить от краски до металла, подсоединиться к ней проволокой, затем в цепи идёт диод Д7Б и далее динамичек, то получается радиоприёмник. Он вещает архитихо, как сказал бы великий Ленин, и ловит одновременно все станции, шебуршание которых накладывается друг на друга. Но это действительно радиоприёмник.

Собрал я и настоящий маленький, построив доставшийся мне от дяди Вити остов. Долго пришлось возиться с витками антенны на обломленном ферритовом сердечнике. Потом черёд пришёл электрическому пианино. Клавиши были исполнены из деталей конструктора, закреплённых винтами-гайками на вырезанной фанерке. Сотворённая платка с динамиком приделывалась тут же. Сложно было подобрать нужные номиналы резисторов, чтобы гамма звучала чисто, переменных настраиваемых не хватало. К моему великому сожалению конструкция не позволяла зазвучать не только аккордами, но и двойными нотами.

Моей «большой рыбой» мечты была, конечно, цветомузыка. Выпросив у Рафы пару транзисторов, разобрав старую ёлочную гирлянду и поместив её опять же в фанерный ящик с крышкой из раскрашенного оргстекла, таки удалось мне создать подобие моей сказки. Подсоединённая к моему первому магнитофону «Весна», в темноте она вспыхивала различными частотными цепочками в такт музыке. Это было время, когда мощные цветомузыкальные установки с прожекторами были достопримечательностью каждой дискотеки, вплоть до сельской.

В Рафиной комнате была собрана цветомузыка уровня дискотечной. Сергей Васильевич к тому времени уже прошествовал по нашему двору

на плечах четырёх мужчин по набросанным еловым веткам за своими подушечками с орденами и медалями. Мы никому не мешали. Мощный усилитель, проигрыватель виниловых пластинок, громадный и качественный по характеристикам катушечный магнитофон, кассетник с двумя протяжками, колонки почти в мой рост... Вечера наши были заняты изысканным отдыхом, я не вылезал от Рафика, так что мама говорила, что я у него поселился. Мой магнитофон часами стоял на записи, и я только всё выпрашивал и выпрашивал у родителей купить новые чистые кассеты пусть даже не на 90, а хотя бы на 60 минут. Лучше, конечно, Sony или TDK, а не советские.

Рафа тогда уже поддерживал отношения с фарцовщиками пластинок и радиодеталей, участвовал в каких-то мутных, непонятных мне финансовых операциях. Не только битлы, дипёл, пинк фloyd, но и манфред ман, скорпионс, да и много чего остального проходило через его руки и оседало на наших перезаписанных кассетах. Уже позже подросток Аркашка из соседнего подъезда, тоже унесённый мутными водами фарцы, рассказывал, как менты гоняли их с чёрного рынка за Печёрским монастырём. Чтобы спасти свои «пласты», надо было во время облавы кубарем катиться под откос, к Гребному каналу, рискуя сломать шею. Впрочем, внизу иногда тоже ждал «ГАЗик».

Бывали у Рафы в комнате и девицы, которых он, как паук, пытался затянуть в расставленную им паутину атмосферной романтической обстановки. Тогда наступал тот вечерний час, когда он тихо подталкивал меня в плечо: «Ну ты иди...»

Пока Рафа был маленьким, он ещё мог сам немного передвигаться на костылях или с помощником. С возрастом он становился всё тяжелее и неповоротливее, хождения его всё чаще заканчивались падениями и крушениями. Было проблемой спустить его со второго этажа к входной двери подъезда, куда подгоняли из гаража его инвалидную коляску. Подъёмы наверх представляли в разы большую трудность. Хорошо ещё, если тащишь вдвоём. Я же помню те «приятные» моменты, когда, подростково-окрепший, брал его за руки себе на загривок и, ступенька за ступенькой, с длительными отдыхами после каждого пролёта, тащил его наверх три лестницы. Бывало, мы падали: Рафа был невероятно тяжёл. Его отец дядя Ремик предпочитал где-то отсиживаться. Видимо, армянская гордость не позволяла ему таскать сына-инвалида. Танец с саблями я ему так и не сыграл.

Про игру го мы с отцом узнали из публикации Асташкина и Нилова в журнале «Наука и жизнь». В тетрадке в клеточку освоили правила на доске 9x9, сыграли несколько учебных партий. Но какой отец партнёр — он домой приходит только к вечеру. Конечно, Рафа! И мы уже сидим с ним за столиком во дворе, на клеёнке расчерчена доска 13x13, вместо чёрно-белых камней у нас косточки от съеденных в его семье слив. Половина выкрашена зелёной. Так прошли школу молодого бойца го.

По осени я узнал в классе, что у нас в городе недавно открылся го-клуб. На Свердловке, в Доме учителя. Мы там появились с Рафой, записались, стали ходить по выходным. Были ребята из моего класса, были научные сотрудники из радиофизического института (НИРФИ) и академического института прикладной физики (ИПФ АН). Слушали лекции первого руководителя, играли попарно и куча на кучу, проводили первенства клуба, командные соревнования «школа против ИПФ», «ИПФ и НИРФИ против всех остальных». Из многослойной фанеры для клуба на заказ изготовили и расчертили доски, первые комплекты «камней» нарезали из «резисторов» — цветных полых пластиковых трубок, которые надыбали наши инженеры у себя на производстве. Играя, много комментировали, шутили. Кто-то рос в мастерстве, кто-то уходил, другие приходили. Увлечение наше растянулось на годы. Часто с Рафиком играли во дворе

летом и у него дома зимой. Я сделал себе довольно приличный комплект сначала из нескольких специально купленных для этого бухгалтерских счётов (нужна была дискообразная форма «камушков»), а потом приобрёл настоящие советские стеклянные камни, производство которых освоило, наконец, по-моему, какое-то ленинградское предприятие. Мои успехи позволяли уже давать Рафе фору, и я бегал за ним, упрашивал своего спарринг-партнёра, чтобы обыграть его в очередной раз и после морально потоптаться на побеждённом. Как младший товарищ.

Когда мы появлялись в клубе, Рафу как члена надо было затащить на второй этаж, где в комнатке в конце коридора проходили наши встречи. Добровольцев было мало, поэтому устанавливали очередь. Однако чаще других его таскал совестливый Володя Семёнов, будущий профессор, доктор физических наук, корифей и умница. В паре со своим сослуживцем могучим Шурой Жаровым. Другие наблюдали за этими атлетическими упражнениями и дурачки прикалывались. Володя же предложил определить Рафу чуть ли не талисманом клуба или переходящей наградой. Поэтому обратно спустить его к коляске выпадала честь зазнавшемуся победителю.

После турниров у меня часто на обратном пути сильно болела голова. Бывало уже за девять часов вечера, когда мы зимой по темноте под редкими фонарями по пустынным улицам возвращались домой. На дядю Ремика рассчитывать не приходилось. Под метелью долго стояли у ворот на Минина, ловили помочь затащить на второй этаж запоздавшего прохожего. Многие шарахались и ускоряли шаг. Пьяных брать было себе дороже, можно было всем втроем навернуться на лестнице. Полупьяные соглашались чаще всего. Рафа руководил по отработанной методике, дверь у него была не заперта, у входа стояла табуретка. Я ещё шёл ставить коляску в гараж, заносил ключи.

Димка вытащил из дома во двор яичку сырых яиц и одно за другим разбил их о сплошную кирпичную стену соседского особнячка. Ну да, это было весело. Пятна остались на многие месяцы. Но почему-то мне стало неловко за него, жалко его маму, которая одна тянула двух сыновей — у Димки был брат, почти ровесник моему. Димке жалко не было. Через какое-то время у них в квартире начали пропадать вещи. Тётя Клава жаловалась на это моей маме, употребляя слово «сволочь». Я знал, как пропадают эти вещи — мой друг Димка их продавал, ему нужны были деньги. Вскоре его перевели из нашей школы в интернат, он стал редко появляться в нашем дворе. Потом как-то он уже не один обнёс квартиру матери почти дочиста. Подключилась милиция. Дальше был путь. Большой. О нём не буду.

Вот последняя встреча. Осень заката девяностых. Остановка у ярмарки. Димон хромает, одна нога у него заметно короче другой. На лесоповале придавило. Восемь операций. Блестит фикса, улыбка прежняя. Враньё, правда — как разберёшь? Чего-то про очередную жену, разбросанных по городам детей. «Уеду к родственникам в Днепропетровск... Дай сто рублей» «Ну, пока...» Гляжу в спину удаляющейся ковыляющей фигуре, — и всё же высокой, стройной, красивой, в убийственно стильном длинном кожаном пальто...

Уже из взрослой своей семьи я отпросился однажды на эту встречу. С Рафой и Димкой, возникшем неожиданно и бодро между очередными отсидками, мы поехали с ночёвкой на рыбалку в заливные луга на моей «Ниве». Именно Димон нашёл нас и настоял на ностальгической встрече. Вышло и правда всё отлично. Рыбалка была, конечно, как бы побоку, мы ничего и не поймали. Погода стояла ближе к осенней, хотя купаться было ещё можно. На небольшой кромке песка (дальше кустарник, деревья) мы валялись, жгли костёр, изредка запрыгивали в воду. Затащили

неглубоко и Рафу. Потом вечером и ночью у костра проговорили всё отведённое нам время. «А помните?..» «А вот тогда помнишь?..» Многого помнили, многое прорвалось, ожило, стало как в детстве в своем первоначальном виде, было несомненной ценностью в ту ночь. И прогорело, улетело вместе с пеплом костра в тёмное небо. Утром всё, что нас так возбудило накануне, стало как то место на песке, где был лагерь: и вот последний момент, вещи свёрнуты, собраны, машина загружена. Бросаешь окурочек в пепелище, последний взгляд на собранные в кучу бутылки-банки-пакеты. Мусор. Мы здесь когда-то были. Машина по пойме меденно выбирается обратно в город.

Зачем я всё это пишу?

Мёртвых ли воскрешаю? Машину времени создаю? Себя тещу? Фокусирую в океане Соляриса тот островок с заветным домиком посередине?

Что такого в этом девственно нетронутым мире детства? Почему наша память постоянно струится туда? Зачем Лев Толстой, Горький, Аксаков — да мало ли кто! — оставляют нам как наследство запись своих первых лет жизни? Почему сжимается в груди и щиплет в носу, когда звучат простенькие песни с незамысловатыми словами. «Куда уходит детство, в какие города?» «Слышно, как скрипит пёрышко слегка... Снег на проводах, в небе промелькнувшая звезда». «В кассе вокзала билет попрошу: дайте до детства плацкартный билет»...

Всё шире с годами спектр переживаний и горестей. И сужается диапазон радости, размах чувств. В детстве всё бурлит водоворотами как весенний ручей, ты бежишь за радостью, как за пушечной в поток щепкой, забывая о времени и окружении. Теперь же возврат прежних чувств краток, недолговременен — с первым снегом, с первой самой свежей и зелёной листвой, с самой чистой водой в осенней луже, куда погружено синее небо. Но и это не главное. Потому что более надёжного, уверенного и вечного, чем родительский дом, твой двор — ничего и не было. И знание было — ты живёшь в лучшей стране в мире. Аксиоматически убеждённый в этом, ты шёл с флажком и бантом на груди на праздничной демонстрации, и в груди у тебя kloкотали песни наших колонн. Где аналог этому сегодня? Гляжу в толстые или кривые морды на ток-баттлах, обязательно уже размножившиеся, по-нерусски сейчас многодетные в «этой» стране, только с одной плановой целью открывающие рты — сообщить мне моё место на задворках цивилизации. Мне, кого только по праву рождения победа двух моих дедов в войне с этим самым ихним «цивилизованным» миром вознесла на верхний этаж сталинской послевоенной новостройки, поближе к небу.

И да: не летаю сейчас. Не летаю.

Детство кончалось. Эту истину я уже начинал понимать. Поздно вечером сидели во дворе на лавке у кочегарки с горбоносым соседом Исламом. Мотыльки и мошки бились о зарешёченный фонарь над подъездом. Ислам вещал мне, что ему кто-то по секрету поведал, что Битлз завидует голосам наших Песняров. Если б им такие, то они перевернули бы наш мир еще раз. Потом пошла тема, как парни лазают по карнизу первого этажа, чтобы подсмотреть, как в спальне занимаются страстной любовью молодые красавица тётя Вера и дядя Марк. Выкладывались интимные подробности, позы. Затем началось просвещение по поводу бросания каких-то там палочек и количества раз. У кого-то оно было десять за ночь, у кого-то доходило до пятидесяти. Я шёл спать, обременённый этим тайным знанием.

И поэтому здесь как бы надо прерваться, потому что эти рассказы уже не принадлежат детству. Отношения полов, смысл которых в продолжении рода. Социальные отношения, когда ты занимаешь место

в человеческой иерархии, своём социальном слое, своём круге. В детстве ты еще не бедный и не богатый. Если у кого-то лучше игрушки, или в семье есть настоящая машина «Победа» — тебя это не сильно травмирует. Ты это просто никак не оцениваешь. Ну, немного завидно. Можно поиграть и в чужие игрушки, можно прокатиться и на чужой машине, провести несколько дней на чужой даче. Ведь ребята-то, друзья — свои. Игры наши общие. А разные там предательства — пока впереди.

Детство моё — ощущение полёта.

Радость. Страхи. Огорчения. Мечты. Исполнение желаний. Россыпи интересов.

Мой дом. Мои родные.

Крутится пластинка Лидии Клемент. В коридоре свет, там шебуршат домашние хлопоты, а я лежу на спинке дивана в тёмной комнате.

Бабушка у швейной машинки. «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца»... Отец в излюбленной позе, поджав под себя одну ногу, строчит в свой блокнот. Он может, почти не заикаясь, красивым голосом спеть мне про журавлёнка: «Летит печально клин, и весел лишь один / Один какой-то журавлёнок несмышлёный».

Мама сунет голову помогать мне дышать над картошкой. Позовёт есть заварные булочки.

Сашка гоняется за мной, мы постоянно хлопаем межкомнатными дверьми.

Мой двор. Мои друзья. Наша разновозрастная компания — девчонки, мальчишки. Рафа идёт, опираясь на моё плечо. Димка — да какой он уголовник?! — он вовсе ещё не уголовник, а просто гиперактивный и бедовый мой друг.

Гудят от наших быстрых ног крыши еще не снесённых сараев, громыхают сзади сапоги гонящегося за нами пожарного. В высоком синем небе белые кучевые облака. Вода в колонке леденющая, сводит скулы.

Навечно таинственен и пугающ чердак дома. Там толщенный слой птичьего помёта и тихое воркование голубей. Я всё леплюсь, что Блоковский кот, по карнизу пятого этажа, всегда готов успешно прыгнуть вниз и приземлиться на напружиненные лапы, то есть ноги — лишь бы пятки не отбить!

Дымят на морозе зимние деревянные и кирпичные домишки то ли Горького, то ли Нижнего Новгорода (век-то какой на календаре?), дымят в окне маленькой комнаты. Видно полгорода, общага иньяза ещё не проросла из своей грибницы, да и для девятиэтажек Ковалихи еще не сезон, одни только «дуньки» на газонах Откоса. Нет микрорайонов Лапшихи, Кузнечихи: сплошь пока деревни за Острожной площадью... эскьюз ми, Свободы.

Крым наш. Это без сомнения, об этом даже говорить неприлично. Типа: Вологда наша — смешно. Кстати, и Киев наш, и он на Украине, а не в ней. И я в Крыму, в Севастополе, вон, на фоне наших боевых вертолётоносцев. И Рига наша, и Таллин (а не Таллинн), и Алма-Ата (не Алматы же!) Может быть, еще не написан не только Вертер, но и Архипелаг Гулаг. По крайней мере, я не читал (но осуждаю). Зато светится на сером шерстяном костюме младшего школьника звёздочка с кудрявой детской головкой. Выются алые ленты моего галстука на ветру в почётном карауле у Вечного огня. Гремят барабаны, реют красные стяги октябрьских и первомайских демонстраций: «Нам ли стоять на месте?!» Ну а что пьяные разлеглись у Десятого магазина — так то они, а мы — мы будем жить при коммунизме. Мне продали билеты до звёзд наяву ещё за полстолетия до Илона Маска.

И это мы должны были сажать яблони на Марсе.